

Москва, комсомолец - 1991 - 2005

Булат ОКУДЖАВА:

«И ЕЩЕ ВОЗВРАТИТСЯ ЛЮБОВЬ...»

К Булату Окуджаве я подошел в Центральном доме литераторов, когда там проходил учредительный съезд Союза российских писателей. Интервью он согласился дать сразу же.

— Для «Московского комсомольца» у меня есть несколько слов. Не так давно вы опубликовали стихи погибшего во время путча юноши, Ильи Кричевского. После этого в «Независимой газете» выступил Борис Кузьминский и протестовал против публикации этих стихов.

Конечно, стихи Кричевского слабые. И у нас есть такой безумный обычай: возводить на пьедестал умерших людей и поклоняться им. Но дело не в этом.

— Я долгое время отсутствовал и очень плохо разбираюсь в сложившейся ситуации, но все же думаю, что просто нужен серьезный противовес бондаревской компании. Самые известные и значительные писатели присутствуют сегодня здесь — о чем-то это говорит!

— Сейчас, мне кажется, такое время, когда литература не только не пишется, но и не читается. В чем причина?

— Просто сейчас очень трудный политический период и спокойно, как в былые годы, читать литературу как литературу — весьма сложно. Поэтому так много сейчас публицистики, и именно она выходит на первое место.

Заметка Кузьминского возмутила меня своей безапелляционностью и наглостью. Нужно же понимать, что публикация этих стихов — не литературный факт, а нечто совершенно иное. Это же не анонсирование юного дарования, а просто дань памяти человеку. А выступление Кузьминского выглядит как попытка перечеркнуть сделанное Ильей, который так или иначе пошел на подвиг и этот подвиг совершил.

Все это дико звучит, тем более в устах Кузьминского, который в свое время работал в цензуре, а теперь по какому-то праву взялся судить молодых поэтов.

— Какие чувства вызывает нынешняя ситуация в стране у вас, человека, далекого от политики?

— Ну, это не совсем так. Нельзя сказать, что я далек от политики. Конечно, я плохо в ней разбираюсь, но я всегда был заинтересован в переменах, пытался как-то по-своему, пусть иногда смешно, судить о политике и выражать свою заинтересованность.

Сейчас меня больше всего волнует, что общество находится в чрезвычайно диком состоянии и что все мы должны, стиснув зубы, пройти этот период болезни. Но я верю, что мы излечимся. Хотя и не вижу лекарства. И все же думаю, что внутри общества должны сработать какие-то защитные механизмы.

— Нужна ли, по-вашему, новая организация российских писателей, тот самый союз, на учредительном съезде которого мы с вами сегодня находимся?

Что же касается меня, то за эти годы я вдруг открыл для себя потрясающего писателя — Фридриха Горенштейна. То есть я, конечно, и раньше знал его, но просто не в таком объеме.

Во 2-м номере «Нового мира» я прочитал удивительную вещь — мемуары старой полуграмотной женщины, крестьянки Киселевой. И считаю, что это выдающееся произведение русской литературы.

Мы переболеем. Жизнь возьмет свое, и еще возвратится любовь к нормальному чтению и литературе. Но в сегодняшнем безумии мы не только потеряли — мы и приобрели. Мы начали выходить из рабского состояния, стали думать о себе и о ближнем.

— Но, кажется, время для этого не совсем подходящее. Самому бы не сорваться в пропасть — где уж тут думать о ближнем!

— И тем не менее это так. Люди понимают, что если они сейчас не позаботятся о ближнем, кто потом позаботится о них?

— Верите ли вы, что где-то уже зарождается новая великая русская литература, сравнимая с литературой девятнадцатого века?

— Я плохо знаю молодую литературу, но верю в этот тезис. Так всегда было и так будет. И потому не нужно отчаиваться.

Беседовал с поэтом
Алексей ВИНУКОВ.